

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ
Жамал Маратовой «Рецепция “волшебной сказки” Дж.Р.Р. Толкина в
фэнтезийном цикле повестей «Лабиринты Ехо» Макса Фрая» (Москва
2023), представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и
литература народов Российской Федерации, 5.9.2 – Литературы народов
мира**

Современное состояние литературы обусловлено мировоззренческой моделью, получившей название «постмодернизм», чьими формами выражения являются тотальная театрализация, утрированная хаотичность, поиск компромисса, обращение к принципу миромоделирования. Последний факт, на наш взгляд, и определяет *актуальность исследования*, проведенного Жамал Маратовой, в котором рассматриваются механизмы создания М. Фраем вторичного фантастического мира, реализованные с опорой на художественный метод Дж.Р.Р. Толкина.

Массовая литература все чаще становится предметом научной рецепции и, в том числе, творчество М. Фрая, однако ранее комплексно повести цикла «Лабиринты Ехо» на предмет самореализации и самовосприятия автора в диссертационных исследованиях не рассматривались, что, несомненно, подтверждает *научную новизну* оппонируемой работы.

«Авторский миф Дж.Р.Р. Толкина», «Глоссопея как языковая игра Дж.Р.Р. Толкина», «Репродуктивная рецепция творчества Дж.Р.Р. Толкина. Переводы на русский язык», «“Лабиринты Ехо” как новая фэнтезийная реальность», «Поэтика Макса Фрая. Позиция концепированного автора», «Деконструкция эпического фэнтези как вариант игры с читателем» и т. д. – это не только названия параграфов работы, но и продуманная логика исследования, свидетельствующая о стройной композиционной организованности развития научной мысли Ж. Маратовой.

В первой главе рассматривается теория «волшебной сказки» Дж.Р.Р. Толкина – жанра, который в последствии получил название «фэнтези». Отметим, что материалы главы изобилуют цитатами из работ самого писателя, что представляется правомерным, т. к. невозможно понять природу авторского художественного метода без погружения в его творческое наследие. По мнению Ж. Маратовой, одним из ключевых понятий этой теории является «глоссопейя» – процесс создания искусственных языков, сопровождаемый мысленным изобретением локации, где эти языки могли бы быть распространены, и жителей, которые могли бы ими пользоваться.

Вторая глава диссертационного исследования посвящена изучению разных видов рецепции творчества Дж.Р.Р. Толкина. Постулируется идея о том, что попав на отечественную почву, роман «Властелин Колец» формирует горизонт читательского ожидания, тем самым, по мысли автора работы, запускает процесс становления жанра фэнтези в русской литературе. Ж. Маратова полагает, что «Властелин Колец» сформировал именно жанровой канон фэнтези. Говоря о жанровом каноне, А.Ф. Лосев имел ввиду «количественно-структурную модель художественного произведения такого стиля, который, являясь определенным социально-историческим показателем, интерпретируется как принцип конструирования известного множества произведений»¹. Канон подразумевает под собой «воспроизведение некоего жанрового архетипа», его «персонифицированного образа»², т. е. воссоздание того произведения, которое лежит в основе конкретной жанровой традиции, и с этой позиции точка зрения Ж. Маратовой представляется правомерной.

¹ Лосев А. Ф. О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.: Наука, 1973. С. 15.

² Кихней Л. Г. Литературный жанр, жанровый канон и жанровая изотопия (к проблеме жанровой идентификации) // Россия в мире: Проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы IV Междунар. научно-практич. конф. Пенза: Изд-во ПГТУ, 2018. С. 392

Наибольший интерес представляет третья глава исследования «"Лабиринты ЕХО" как новая фэнтезийная реальность», в которой разбираются механизмы формирования концепированного автора; подвергается разбору характерный для постмодернизма принцип деконструкции (показывается, как М. Фрай деконструирует модель эпического фэнтези, выстроенную Дж.Р.Р. Толкином. Так, ключевым для всей работы представляется следующее высказывание диссертанта: «...элементы повествования в творчестве Фрая, совпадающие с описанием меннипей, раскрывают особый вид игры в литературе, <...> которая, в отличие от игры Толкина, не конструирует, а деконструирует элементы художественного целого» (С. 151–152)).

В третьей главе также анализируется игра с читателем на уровне сюжета (Исследовательница отмечает важность сопричастности читателя к тексту авторства М. Фрая: берущий в руки книгу должен пройти Квест вслед за героем), на уровне языка и самого образа автора-рассказчика, которого, согласно замыслу С. Мартынчик, не существует (главный герой, от чьего лица ведется повествование, является плодом фантазии другого героя). Согласимся с замечанием автора работы о заимствовании у Дж.Р.Р. Толкина М. Фраем принципа дистанцированности от персонажей и всего повествования в целом благодаря подаче произведения как чужого текста, якобы написанного не писателем, а самим персонажем. Правомерным представляется определять повести М. Фрая как метапрозу, в рамках которой, как известно, основное внимание уделяется именно самому процессу создания литературного полотна.

Опять же, отметим важность сформулированного Ж. Маратовой вывода о том, что делая сон основным способом перемещения в мир Ехо, С. Мартынчик намеренно нарушает законы «волшебной сказки», озвученные Дж.Р.Р. Толкином: фантастика сна всегда обусловлена измененным состоянием сознания живущего в мире реальности человека, тогда как

фантастика фэнтези характеризуется ничем не мотивированной установкой на чудо.

Ценность для науки и практики полученных Ж. Маратовой результатов обусловлена тем фактом, что в работе: *уточнены* способы построения вторичного фантастического мира, немаловажную роль при организации которого выполняет языковая игра и использование фольклорно-мифологических мотивов, - принадлежащих различным культурным традициям; *сформулирована* поэтологическая концепция Дж.Р.Р. Толкина, ставшая своеобразным «претекстом», основой для формирования М. Фраем модели понимания себя как автора вторичного мира; *перечислены* разные виды монтирования в постмодернистский текст интертекстуальных компонентов: путем пародирования чужого произведения, включения атрибутированных и неатрибутированных цитат, аллюзий, введения вставных сюжетов. *Содержание автореферата основным положениям диссертации* полностью соответствует.

Автору отзыва хотелось бы сделать несколько *дополнений*:

1. На С. 35, анализируя генезис собственного названия страны, бывшей в употреблении у жителей Рохана, – «Марка» (в германских языках «mark» – «земля»), можно говорить о том, что подобная тенденция в ономастике Дж.Р.Р. Толкина лишний раз подчеркивает тот факт, что в своем мифотворчестве писатель следует за общемировой культурной практикой (Так например, в этимологии названий рек Лена и Обь фигурирует лексема «река»).
2. Ценным представляется замечание Ж. Маратовой (С. 110) о «прослеживании в русском фэнтези антропоцентрического начала». Дополняя мысль исследовательницы, отметим, что прежде всего здесь речь идет о гуманистической ориентированности: герою важно не столько сходство с человеком, сколько забота о благополучии и сохранению жизни других.

3. Развивая мысль диссертанта о том, что знаки письменности является миропорождающими единицами, отметим, что письмена играли существенную роль в мифопоэтических концепциях древних народов. В этом отношении, например, скандинавские руны, связанные с глубинными смыслами эзотерического характера являлись важным элементом мифопоэтической эпохи: они помогали прочитывать ход будущего. Логично, что фэнтези, наследуя и перерабатывая поэтику мифа, придерживается этого же принципа.
4. Ж. Маратова приходит к выводу, что, несмотря на то, что «Лабиринты Ехо» создается в русле концепции постмодернизма, М. Фрай не просто деконструирует фэнтезийный мир и нивелирует ценность толкиновского мифа, но создает на основе деконструированного мифа свой собственный, уже новый, тем самым преодолевая постмодернистский принцип усталости, и как кажется автору настоящего отзыва, транслирует ценности уже новой метамодернистской формации, переживающей переход от полного разочарования к вере в человеческие силы, и где эскапизм является временным средством для восстановления веры в умение различать Добро и Зло.

Вместе с тем, у оппонента имеется *ряд вопросов и замечаний*:

1. Диссертант делит жанр фэнтези на виды (С. 45). Можно ли уточнить, о каких конкретно видах идет речь? Чем вызвана неготовность Ж. Маратовой делить жанр на составляющие его поджанры или субжанры?
2. На стр. 76 диссертант вслед за И.В. Лебедевым утверждает, что «хронологически первым фэнтези произведением, написанным на русском языке», является «Кольцо Тьмы» Н. Перумова. Может, в данной ситуации уместнее говорить о некоторой форме фан-прозы? Исходя из точки зрения Ж. Маратовой, мы будем игнорировать целый пласт отечественной литературы, чья поэтика демонстрирует ряд признаков

фэнтези: цикл романов «Останкинские истории» В. В. Орлова, М. Булгакова с «Мастером и Маргаритой», Л. Леонова с «Пирамидой», хотя автор работы в ряду фантастических произведений эти работы упоминает (С. 4) (Отметим, что обозначенные произведения на предмет наличия в них фэнтезийных компонентов были проанализированы автором отзыва еще в рамках докторской диссертации «Поэтика городского фэнтези в русской литературе XX – начала XXI веков»).

3. На С. 110 мы читаем «...с периода XVII – XVIII вв. в русской литературе прослеживается рост интереса к произведениям, включающим в себя категорию фантастического, которая в дальнейшем характеризовала творчество В Брюсова, А. Толстого, А. Грина [и др.] В этот же ряд можно включить фантастов второй половины XX века – И. Ефремова, С. Лема, П. Вежимова и братьев Стругацких». Здесь, думается, стоит уточнить жанровое деление фантастики, ведь если речь идет о провозвестниках фэнтези, то включать в этот ряд И. Ефремова, С. Лема, т. е. представителей научно-фантастического жанра, кажется не совсем корректным.
4. Если М. Фрай принципиально делает протагониста смысловым центром и двигателем всего повествования, то можем ли мы рассматривать «Лабиринты Ехо» не как эпическое, но как героическое фэнтези?

Следующий вопрос носит *дискуссионный характер*:

5. Если Дж.Р.Р. Толкин подробно прописывает космогонию своего вымышленного мира, выстраивает его по определенным законам, призванным создать эффект хотя бы относительной достоверности, то, как уже было сказано, М. Фрай строит свои художественные миры только через призму сознания сэра Макса. Можем ли мы тогда говорить о профанации волшебной вселенной, искусственно утрированной Фраем-писателем? Но не исчезает ли тогда полностью эффект достоверности, если во главу угла ставить рекреационную функцию

произведений, и, как следствие, не нивелируется ли катарсис, который должен переживать читатель?

Очевидно, что возникающие по ходу чтения диссертационного сочинения вопросы, свидетельствуют об актуальности, новизне и дискуссионности заявленных в ходе исследования проблем и не снижают значимости выполненного исследования.

Достоверность и новизна результатов диссертации Ж. Маратовой детерминирована:

- Большим объемом произведений Дж.Р.Р. Толкина и М. Фрая, рассматриваемых в рамках работы над обозначенной темой.
- Серьезной междисциплинарной методологической базой, основанной на применении ведущих подходов психологии, культурологи, лингвистики. Так, Ж. Маратова анализирует способы реализации языковой игры, транслируемой С. Мартынчик на страницах цикла. Разрушая лингвистические стереотипы (например, трансформируя устойчивые выражения), писательница ведет с читателем игру, схожую с лингвистическим экспериментом Л. В. Щербы, который предлагал испытуемым различные цитаты из известных произведений, намеренно искаженные.
- Междисциплинарный характер проведенного Ж. Маратовой исследования подтверждается и фактом обращения к принципам социологического метода: диссертант приводит примеры отзывов англоязычных читателей сочинений М. Фрая, тем самым открывая доступ к иностранной читательской рецепции, которая выявляет факт частичной утраты семантики текста из-за низкого качества перевода, вследствие чего потребитель лишается возможности в полной мере насладиться языковой игрой С. Мартынчик.

- репрезентативной апробацией достигнутых результатов, которая отражена в большом количестве публикаций и выступлениях на международных конференциях.

Вышеперечисленное позволяет сделать вывод, что *диссертационное исследование Маратовой Ж. является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной задачи в области теории рецепции творчества Дж.Р.Р. Толкина, имеющей важное значение для понимания специфики поэтики современного отечественного фэнтези. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, согласно п.2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного Ученым советом РУДН протокол № УС-12 от 03.07.2023г., а её автор, Маратова Ж., заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.2 – Литературы народов мира.*

Отзыв подготовлен доктором филологических наук, доцентом, профессором кафедры германской филологии и скандинавистики Сафрон Еленой Александровной.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводского государственного университета 11.03.2024, протокол № 7.

«11» марта 2024 года

Официальный оппонент:

профессор кафедры германской филологии и скандинавистики

Сафрон Елена Александровна

